

Любовь и птицы

*«О любви не разговаривали: она была действием – его совершали»
Рокуэлл Кент, «Саламина».*

Хабаровск, 1977 год.

...Он мне нравится, однако ничего похожего на замирание сердца, душевное томление, ожидание минуты нежного свидания я не испытываю. Если завтра он заберёт обратно руку и сердце, предложенные мне на прошлой неделе, я, конечно, обижусь, но топиться, словно тургеневская барышня не побегу и не скончаюсь от нервической чахотки. Только он не заберёт, в этом я уверена. Не уверена лишь в своём праве принять его щедрое предложение. И не было бы никаких проблем отказаться, если бы не мама. Почти каждый день я слышу от неё жалобное:

– Доченька, тебе скоро тридцать, пора замуж. Я умру спокойно, зная, что ты пристроена...

Не думаю, что пять лет до тридцатника это «скоро» и не нравится мне дурацкое словечко «пристроена», но я не спорю, молча смотрю на синие губы на бледном лице – у мамы больное сердце, и чувство вины царапает мне душу.

В конце концов, капли маминых слёз подточили камень моего сопротивления, и вот результат: похоже, этим летом я смогу её осчастливить.

На такое известие мама оживает:

– Ах, какая радость! Ну, расскажи скорее, кто он, как зовут, кем работает, где вы познакомились?

– Зовут Миша Ерёмин, – добросовестно докладываю я. – Он морской офицер. Служит на пограничном катере. Мы познакомились в редакции месяц назад. Я готовила статью к Дню пограничника...

– Подожди, не тарахти! Он плавает? Значит, редко бывает дома?

– Мама, дерьмо плавает, а моряк ходит в море и, разумеется, надолго. И мне кажется, это самая привлекательная из его черт. В остальном Миша такой же простой и понятный, как Устав военно-морской службы. И словарный запас у него примерно тот же...

Счастливым блеском в маминых глазах сменяется озабоченностью.

– Боже мой, как ты цинична! И легкомысленна! За месяц невозможно хорошо узнать человека.

– Мама, у меня нет других претендентов в мужья, так что тебе придётся любить и жаловать этого!

– А ты? Ты его любишь?

– Разве от меня требуется кого-то полюбить? Ты хочешь пристроить меня, чтобы умереть спокойно! Вот, я и стараюсь пристроиться... Не видела мой паспорт?

– Зачем тебе паспорт? Вы что, собрались подавать заявление? Ты же нас ещё не познакомила! К чему такая спешка?

– Не волнуйся. Я пока не согласилась, пока думаю. Завтра с утра еду на два дня в командировку, без паспорта в гостиницу не поселят...

Не знаю, какие неведомые силы спрятали мой главный документ, но найти его не могу. Выручает подруга: договаривается со своим знакомым по фамилии Ковбаско, что он приютит меня на одну ночь, и даёт номер его телефона.

Звонить Николаю Ковбаско начинаю сразу после окончания рабочего дня, но никто не отвечает. Снова и снова я набираю цифры, уже выученные наизусть, а когда Николай внезапно отзывается, теряюсь настолько, что забываю, кому и зачем названиваю уже больше двух часов.

– Алё! Слушаю! Кто это?! – мужской голос едва слышно сквозь странный шум: что-то вблизи телефона свистит, звенит, щёлкает, хлопает, вроде, даже визжит...

– Алло! Это Николай? Вы меня слышите?

– Да, говорите!

– Вы уже дома? Можно приехать? – вопрошаю неуверенно, похоже, у человека ремонт, а тут я...

– Приезжайте, только не сюда, я здесь не живу. Запишите адрес...

В большой коммунальной квартире семья Ковбаско занимает самую маленькую из комнат. В ней помещаются лишь высокая двуспальная кровать супругов Коли и Кати, платяной шкаф и письменный стол Ани – Катиной дочки от первого брака. Хозяев теснота совершенно не смущает. Ни сам Николай – добродушный толстячок с весёлыми карими глазами на круглом лице, ни его Катя – маленькая хрупкая блондиночка, ни десятилетняя Аня – точная копия своей мамы, никто не выражает удивления или недовольствия вторжением гостя в их крайне ограниченное пространство.

– Ничего страшного, – отвечает Катя на мои извинения. – Знаешь, два года назад, когда мы только поженились, Коля тоже работал в газете. Мы привыкли, что к нему постоянно кто-нибудь из прежних друзей приезжает и у нас ночует.

– Но - где?

– Раскладушку дочкину тут ставим, в проходе, а гости, уж извини, под кроватью спят. Она широкая, высокая, там много места.

– А мне сказали, у Николая отдельная квартира.

– Знаешь, есть, но она занята, там Колины птицы живут.

– Что? Кто? – изумляюсь я и вспоминаю загадочный шум в телефоне.

– Птицы. У него большая коллекция птиц – сто семь особей! Он два раза в день – в пять утра и в шесть вечера – ездит ухаживать за ними. Утром один, а вечером с дочкой. Ане это дело тоже очень нравится... Знаешь, недавно малиновка яйца отложила, так они на радостях огромный торт купили! Мы его три дня ели...

Катя достает из-под кровати свёрнутый в рулон матрас, разворачивает, застилает простынёй, кладёт одеяло, подушку и задвигает обратно.

– Вот. Не беспокойся, там чисто и даже уютно.

На четвереньках вползаю на отведённое мне место и уже из-под кровати вижу, как Аня ставит раскладушку.

Знаешь, говорю я сама себе, разглядывая изнанку обширного супружеского ложа Ковбаско, а не надо было паспорт терять...

Просыпаюсь рано утром и в первый момент не могу понять, что за конструкция у меня перед глазами. Сбоку вижу женские ноги в голубых тапочках. Над тапочками появляются такие же голубые смеющиеся глаза Кати.

– С добрым утром! Пойдём завтракать. Все разошлись, а у меня дежурство во вторую смену.

Мне нравится эта милая, смиренная женщина, но я не понимаю, почему её муж жертвует комфортом семьи ради своего хобби, а она соглашается? За завтраком не выдерживаю и с вежливыми оговорками спрашиваю, зачем Коле так много птиц, что им даже отдельная квартира понадобилась? Он что, жить без них не может?

– Знаешь, я его не спрашивала: может или не может, – Катя улыбается снисходительно. – Мне другое важно: я без Коли не могу. Потому... Вот, смотри.

Катя открывает кухонный шкафчик и достаёт металлическую банку, прикрытую марлей. Сняв марлю, Катя запускает в банку руку, вынимает горсть белого порошка и подносит к моему лицу. Порошок шевелится у Кати на ладони как живой.

– Ой, что это? – непроизвольно отшатываюсь я.

– Мучные черви. Знаешь, некоторых птиц полезно кормить насекомыми. Соловья, например, дрозда, зарянку... Для них развожу. В

мучниках много белка и кальция. Раньше я их боялась, а сейчас не боюсь. Они же не кусаются...

Отчётливо вижу: Кате противно, она морщится, даже побледнела слегка, но борется с собой. Стряхнув червей обратно, она снова накрывает банку марлей и ставит в шкаф.

– У нас с Колей жизнь одна на двоих, – Катя говорит тихо, но уверенно. – Моя дочка – это и его дочка, а его птицы – это и мои птицы. И друзья у нас общие... Приезжай ещё.

Поезд прибывает вечером. Миша встречает меня на вокзале и провожает до дома. Уже у подъезда он сообщает, что через три дня возвращается на катер. Ему предстоит долгое плавание, и он хочет услышать мой ответ. Вспоминаю Катю, её слова и так же, как она, серьёзно и твёрдо отвечаю:

– Знаешь, не надо нам жениться. Я совершенно не готова разводить червей для твоих птиц.

Мишины глаза становятся круглыми и беспомощно-удивлёнными, он растерянно молчит, а я быстро ухожу, не дожидаясь дальнейших расспросов.

Тем же вечером, открыв перед сном книгу Рокуэлла Кента «Саламина», с изумлением обнаруживаю между четвёртой и пятой страницами свой паспорт.

Долго лежу без сна, вспоминаю ночь под кроватью, птичий гвалт в телефонной трубке, горсть червей в Катиной руке и надеюсь, очень надеюсь, что мама поймёт меня.